

Фольклорные модели
в устных историях об оккупации:
сценарии нарративизации
и способы комбинации мотивов

Екатерина А. Закревская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, eazakrevskaya@gmail.com*

Аннотация. Сюжетно-мотивная методика анализа текста широко применяется к формульным текстам: сказкам, быличкам и т. д. При этом к устным нарративам о недавнем прошлом (в частности, о войне) такой подход применяется реже, хотя известно, что они тоже являются фольклорными в широком смысле слова. Я применяю этот метод к устным историям об оккупации, собранным в экспедиции в Брянскую область. Составление указателя мотивов, встречающихся в воспоминаниях об оккупации нескольких городов Брянской области, позволяет классифицировать эти тексты и выделить основные темы и группы мотивов. Кроме того, я рассматриваю способы комбинации мотивов в длинных историях и на основании полученных сочетаний выделяю два сценария нарративизации: обличительный и примирительный. Эти два способа комбинации мотивов позволяют рассказчикам выразить две разные точки зрения на этические дилеммы военного времени. Набор сюжетов, которые рассказываются в связи с оккупацией, а также устойчивые способы их комбинации позволяют предположить, что именно эти этические дилеммы для жителей бывших оккупированных территорий наиболее актуальны, и основной коммуникативной целью рассказывания историй о войне является сообщение своей позиции на этот счет.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, устные нарративы, устная история, мотивы, сюжеты

Для цитирования: Закревская Е.А. Фольклорные модели в устных историях об оккупации: сценарии нарративизации и способы комбинации мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 2. С. 69–96. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-69-96

Folk models in stories about the occupation during the Great Patriotic War. Narrativization scenarios and the ways of combining motifs

Ekaterina A. Zakrevskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, eazakrevskaya@gmail.com*

Abstract. Folklorists often use classification systems such as catalogues of motifs or folk types. This method is widely applied to tales or legends. At the same time, it is used less often during analysis of stories about the recent past (for instance, about a war). I apply this method to oral stories collected on an expedition to the Bryansk region to make a motif-index. Using this method allows me to classify these texts, highlight the main themes and divide motives into two groups. I also examine how motives are combined in a longstories and, based on these combinations, I distinguish two scenarios of narrativization. There are two scenarios: incriminatory and apologetic. These two ways of combining motives allow narrators to express two different opinions on the ethical dilemmas of the wartime. The set of plots, as well as popular ways of combining them, shows us that these ethical dilemmas are most important and interesting for the people we have talked to.

Keywords: World War II, The Great Patriotic War, oral history, memory studies, motif-index, folklore

For citation: Zakrevskaya, E.A. (2023), "Folk models in stories about the occupation during the Great Patriotic War. Narrativization scenarios and the ways of combining motifs", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 2, pp. 69–96, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-69-96

Устные истории о войне как фольклор

Определение воспоминаний и рассказов о войне как фольклора на первый взгляд может показаться сомнительным: фольклорными принято считать формульные тексты, выделенные из потока речи и относящиеся к определенным жанрам (сказке, быличке, эпическому сказанию и т. д.). Действительно, устные рассказы не всегда были объектом изучения фольклористики. Англоязычные фольклористы обратили внимание на неформульные устные истории только в послевоенные годы: тогда к ним применяли термины «легенда», «современная легенда», «городская легенда», «слух»,

belief narrative и т. д.¹ [Кирзюк 2018]. В советской фольклористике попытки обратиться к исследованию неформальных текстов также предпринимались: так, Владимир Пропп предложил понятие «сказ»², которое позднее было замещено более общим термином «устный рассказ» [Азбелев 1964]. Когда в 1980–1990-е гг. отечественная фольклористика вслед за западной обратилась к современному и городскому фольклору, а позднее и к интернет-фольклору, исследование устного рассказа окончательно нормализовалось. Так, Инна Веселова в диссертации, посвященной жанровому составу современного городского фольклора, классифицирует устные рассказы как стереотипную достоверную прозу и отмечает, что они соответствуют общепринятым критериям «фольклорности» – являются анонимными, стереотипными и повторяемыми [Веселова 2000]. Таким образом, в наши дни предметом фольклористики является совокупность устных (или письменных – в случае интернет-фольклора) текстов, которые бытуют у выделенной по какому-либо признаку группы населения.

Примером фольклористического исследования воспоминаний о войне являются работы Михаила Матлина. В статье «Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941–1945 гг.» он предложил воспользоваться сюжетно-мотивной методикой анализа текста³ и привел примеры мотивов и варианты их комбинаций в нарративах очевидцев голода⁴ [Матлин 2017]. В своем исследовании я ориентируюсь на этот метод и предлагаю при анализе имеющегося в моем распоряжении корпуса текстов оперировать термином «мотив» для рассмотрения их структурных элементов.

¹ В англоязычной традиции это, например, истории об отравленной еде или иголках со СПИДом.

² *Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // *Фольклор и действительность*. М.: Наука, 1976. С. 46–82.

³ Сюжеты и мотивы в фольклористике – составные части устных нарративов, из которых рассказчик составляет историю во время ее произнесения. Критерии их выделения различны: мотивом может считаться сцена, где один актер делает одно действие, повторяемая в различных историях ситуация или «мельчайшая» ситуация, разделить которую дальше невозможно. Такой метод позволяет, к примеру, проводить сравнительный анализ текстов, собранных в разных регионах, и проследивать их генеалогические связи.

⁴ Он предлагает выделить в них такие мотивы, как, например, «добывание продуктов», «опухание от голода», «смерть от голода», «еда, заменившая обычную пищу» или «воровство зерна».

Материалом для этой статьи послужили семьдесят интервью, собранные во время экспедиции в Брянскую область в июле–августе 2020 г.⁵ Интервью проводились по нескольким опросникам: это темы войны, жизни в оккупации и Холокоста в семейной и локальной истории, а также связанные с этими событиями коммеморативные практики – как специфически еврейские, так и общепринятые, такие как, например, «Бессмертный полк». Записи были сделаны в городах Брянской области (Новозыбкове, Злынке, Почепе, Стародубе, Сураже и Унече) а также деревнях Старые Бобовичи и Курковичи. Мотивы, которые я привожу в списке ниже, я цитирую по двадцати четырем интервью. Фактически к мотивам, которые я предлагаю выделить ниже, прибегали почти все информанты, которые рассказывали о войне – некоторые интервью были в большей степени посвящены коммеморативным практикам, и в них такого рода историй не было. Корреляция между количеством таких мотивов в интервью и местом жительства, уровнем образования, гендером, этнической принадлежностью рассказчика, как мне кажется, существует, однако этот вопрос заслуживает отдельной статьи.

Каталог основных повторяющихся мотивов в рассказах об оккупации

В этой статье приводится сокращенная версия каталога мотивов, который был составлен в рамках работы над моей магистерской диссертацией⁶. Оригинальный каталог включает в себя

⁵ Экспедиция состоялась в рамках проекта Еврейского музея и центра толерантности «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы».

⁶ *Закревская Е.А.* Фольклорные модели в биографических нарративах об оккупации: Магистерская диссертация. Защищена 06.06.2021. Москва, РГГУ, 2021. (Рукопись) Каталог повторяемых мотивов является составной частью каталога мотивов, который готовится к публикации в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» и включает в себя материалы, собранные во всех экспедициях проекта вне зависимости от региона и в соответствии с другими критериями. Формальным критерием выделения мотивов, включенных в каталог из моей магистерской диссертации, является их повторяемость. Однако мы встречали некоторое количество нарративов, которые не повторялись в моей выборке, но исходя из их структуры можно было предположить, что во всей совокупности текстов, бытующих на бывших оккупированных территориях, они повторяются – такие мотивы включены в этот указатель.

все тексты, записанные в экспедиции в Брянскую область, здесь же я хочу продемонстрировать принцип работы каталога применительно к воспоминаниям (а не к формульным текстам традиционного фольклора) и описать выводы, которые удалось получить.

В записанных историях об оккупации я выделяю две основных темы и тринадцать мотивов, входящих в эти темы:

I. Холокост и жизнь в оккупации:

I.A. Бездетная пара спасает еврейского ребенка

I.B-1. Соседи доносят немцам на скрываемых евреях

I.B-2. Соседи помогают прятать евреев

I.C. Партизаны спасают персонажа от угрозы

I.D-1. Немцы используют предлог для сбора на казнь

I.D-2. Немец оказывает услугу

I.E. «Полицай» тайно спасает человека

I.F. Местные жители занимаются мародерством

II. Отложенные итоги деятельности во время войны

II.A. Человек узнает украденную у него вещь

II.B. Человек узнает «полицая»

II.C-1. Месть за неправильное поведение во время войны

II.C-2. Наказание «свыше» за неправильное поведение во время войны

II.D. Человек, спасший еврея, получает вознаграждение

Структура каталога следующая: *тема – мотив – комментарий – тексты*. Перед каждым текстом приведен номер информанта (список информантов – в приложении 1) и номер (или номера) мотивов, которые в нем присутствуют. К примеру, текст, озаглавленный «I.D-2 + I.A + I.B-2», повествует о том, как немцы, пользуясь обманым предлогом, собирают евреев на казнь, но бездетной паре удается спасти одного ребенка с помощью соседей.

I. Холокост и жизнь в оккупации

Интересующие нас города Брянской (на тот момент Орловской) области были заняты немцами в период с 17 по 25 августа 1941 г. У большей части населения не было возможности эвакуироваться – этот процесс проходил в сжатые сроки, а приоритет при определении порядка эвакуации отдавался заводам и промышленным объектам. Централизованно эвакуировались только

значимые специалисты, без которых работа предприятий была бы невозможна⁷.

В Злынке, Унече, Стародубе, Сураже и Почепе были созданы еврейские гетто⁸, которые в марте 1942 г. были ликвидированы вместе с заключенными⁹. В Новозыбкове гетто не было: большая часть еврейского населения в несколько приемов была расстреляна в Карховском лесу (именуемом по названию близлежащей деревни Карховки). Кроме того, известно о расстрелах в заводском клубе, расположенном по пути к Карховке и служившем пересыльным пунктом из Новозыбкова¹⁰.

⁷ Марковицева Л.Н. «Укрепить тыл Красной Армии»: К 70-летию начала Великой Отечественной Войны. 2011. URL: <https://prev.gaorel.ru/docs/evakuaciya.pdf> (дата обращения: 12 сент. 2022).

⁸ Здесь необходимо отметить, что термин «гетто» в случае оккупированных советских территорий имеет несколько другой смысл, чем на западе: гетто в европейских странах были целыми районами, которые были надежно отгорожены от остального города и даже имели внутренние структуры управления (подробнее, например, здесь: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/ghetto.html>). В Орловской области гетто были похожи скорее на концентрационные лагеря (с той разницей, что в заключении находились только евреи или евреи и цыгане), а иногда бывали с ними совмещены. Так, в Унече оккупационная администрация заняла птицекомбинат: на большей части территории был концлагерь для партийных работников и членов их семей, но в производственных цехах находилось еврейское гетто, которое просуществовало с декабря 1941 г. по март 1942 г. (см.: Гетто // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=777> (дата обращения 25 сент. 2022)).

⁹ Zlynka // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=791> (дата обращения 25 сент. 2022); Unecha // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=777> (дата обращения 25 сент. 2022); Starodub // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=783> (дата обращения 25 сент. 2022); Surazh (Russia) // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=782> (дата обращения 25 сент. 2022); Pochep // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=227> (дата обращения 25 сент. 2022).

¹⁰ Nowozybkov // Yad Vashem. URL: <https://www.yadvashem.org/untoldstories/database/index.asp?cid=789> (дата обращения 25 сент. 2022).

И.А. Бездетная пара спасает еврейского ребенка

Записанные нами рассказы о Холокосте чаще всего строятся по определенной схеме. В этих историях подчеркивается, что ребенок стал для спасших его бездетных людей членом семьи или даже был специально усыновлен после войны. Таких историй мы зафиксировали в разы больше, чем историй о спасении взрослых евреев. Эту ситуацию можно объяснить, во-первых, меньшей агентностью ребенка (это позволяет сделать главным героем истории не его, а спасшего его взрослого), а во-вторых, тем, что с большой вероятностью ребенку слушатель будет сопереживать сильнее. Как показывал Крис Белл, для того чтобы текст лучше передавался, он должен вызывать у адресата эмоциональный отклик [Bell 2002] – именно поэтому в традиции остаются тексты, где спасают ребенка, а истории о спасении взрослых «вымываются».

Мотив заполучения ребенка бездетной парой (создания, усыновления ребенка или субститута ребенка – взрослого или животного и т. д.) широко распространен. Например, под номером Т670 его приводит в своем указателе мотивов Стит Томпсон¹¹. Наши информанты не могут в точности восстановить мотивацию, которой руководствовались их предки или односельчане: они знают только о самом факте спасения еврея. Такое помещение событий семейной или локальной истории в знакомый повествовательный шаблон помогает «восстановить» мотивацию предка и сделать повествование связным. При этом желание спасти ребенка в таких текстах замещается желанием приобрести ребенка.

1. Инф. 5, ИА: Мама воспитывала нас, она рассказывала про этого, латвийца, и потом говорила, понимаешь, они прятали [еврейскую девочку] <...> *У них никаких родственников не было, они были бездетные, они были...* Николай (нрзб.) был репрессированный, его сюда прислали <...> А она была инвалид, у нее ноги были, что-то с ногами было, плохо ходили. Валентина Ивановна, учительница начальных классов, и вот они вместе жили, это мама рассказывала.

2. Инф. 6, ИА: Напротив домик стоит, там жила моя тетя Шура, сестра моего отца. *У нее не было детей*, и когда стали забирать еврейское население, значит, на Республиканской улице большой дом, он и сейчас есть, на пять этих, окон, подвальное помещение... <...> У женщины была девочка, еще дошкольница, где-то, наверное, годика четыре,

¹¹ Thompson S. Motif-index of folk-literature. A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.

вот такая. И моя тетя Шура как-то просит – ты знаешь что, пойдём, Анечка, сходим, попросим у конвоира, чтобы нам дали Гитку. Ну, за меня, и мы пошли... <...> И мы шли, и женщины ж в окно видели, это подвальное помещение, и увидела в окно это мать Гиты, я не знаю, как ее зовут, увидела, и кричит: «Шурочка, Шурочка, возьми мою Гиту к себе домой, она хоть и маленькая, но мне помогала, и тебе будет помогать, полы будет протирать!» И моя тетя Шура пошла к конвоиру просить, чтоб ей отдали Гиту, *бездетная была* <...> Но естественно конвоир не отдал, и женщину эту расстреляли, и девочку, Гиту, когда собрали всех, вот.

І.В-1. Соседи доносят немцам на скрываемых евреев

В историях о спасении евреев часто подчеркивается роль соседей: они представляют опасность, пытаясь узнать информацию о месте нахождения евреев, и иногда даже раскрывают его оккупантам.

І.В-2. Соседи помогают прятать евреев

Этот мотив является инверсией предыдущего – соседи узнают о скрываемом еврее, и помогают держать эту информацию в тайне.

Оба мотива І.В-1, и І.В-2 почти не встречаются отдельно, а чаще функционируют как составная часть длинных историй, поэтому они будут приведены в следующих разделах.

І.С. Партизаны спасают персонажа от угрозы

Почти сразу после начала оккупации на Брянщине развернуло свою деятельность партизанское движение: в районе Новозыbkова действовал отряд им. Щорса, который позже трансформировался в отряд им. Спартака. Основными направлениями деятельности партизан были диверсии на железных дорогах, а также уничтожение немецких административных органов [Абовян, Дзюбан 2019].

Истории, повествующие о конкретных деталях жизни партизанских отрядов и о взаимодействии с партизанами, в нашей выборке отсутствуют. В нарративах наших информантов партизаны зачастую выступают как «обезличенное добро», о котором почти ничего не известно: чаще всего на «уходе» к ним повествование обрывается и подробности не сообщаются. Такая ситуация может быть связана с тем, что официальный дискурс здесь доминирует над семейной памятью. Несмотря на то, что, сражаясь

с захватчиками, партизаны в стратегическом отношении действовали на благо оставшихся на оккупированных территориях людей, в кратковременной перспективе они могли доставлять населению проблемы – например, навлекая на него гнев немцев. Говорить об этом не принято: важный для брендинга региона и самоидентификации его жителей образ Брянщины как партизанского края¹² перекрывает такую память.

В приведенном ниже тексте помимо мотива получения помощи от партизан (I.C) встречаются соседи: один односельчанин догадался, что мать информантки скрывает кого-то у себя дома, но промолчал (I.B-2), другая же женщина выдала еврейского мальчика (I.B-1). Здесь хочется обратить внимание на удвоение сюжетного хода: информантка не просто «собирает» нарратив из разных мотивов (такая ситуация встречается часто), но повторяет один и тот же мотив дважды с усилением опасности (возможная выдача и совершившаяся выдача). Такая структура помогает усилить напряжение (вспомним про то, насколько способность вызывать эмоции важна для устных нарративов).

3. Инф. 6, I.B-2 + I.C + I.B-1: ...мать прятала еврейского парнишку, ему лет пятнадцать-шестнадцать было, Коган Абраша, Абрам. Ну прятала как... <...> Абраша этот сидел, ну, было холодное время, Абраша сидел в бане день, а ночь она брала его в дом, на печку. Ну и как-то вот рядом был маленький такой домик, жила семья Князевых, и дядя Семен Князев ей говорит – Дуся, а что это ты через день топишь баню? То есть смотрели. И я так думаю, что если бы этот Семен Князев кому-то сказал, то вы бы со мной не разговаривали, и матери моей не было. Ну и Абраша, значит, должен был, ну, матери сообщили, что отец его был в партизанском отряде, он должен был его к себе переправить в партизанский отряд. Абраша пошел по

¹² К примеру, он транслируется на мемориальных сайтах (см.: Виртуальный музей Великой Отечественной войны // Брянский край. Краеведческий информационно-справочный портал. URL: <https://libryansk.ru/partizanskoe-dvizhenie-na-bryanschine.11734/> [дата обращения 25 сент. 2022]) и в документальном фильме «Брянщина – партизанский край» (YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SJN2zchC7ls> [дата обращения 25 сент. 2022]), а посвященная партизанскому движению песня «Шумел сурово Брянский лес» (А.В. Софонов, С.А. Кац, 1942) с 1998 г. является гимном Брянской области; в Википедии есть отдельная страница «Брянские леса», в которой первый и единственный раздел посвящен партизанскому движению (см.: Брянские леса // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Брянские_леса (дата обращения 25 сент. 2022)).

Советской улице, там жили какие-то Бельченки, я не знаю, оставляли свои вещи <у них храниться>. Разные были люди, я к тому говорю, что мать, допустим, прятала этого парнишечку, а когда он пришел за чемоданом... <Его выдали?> *Его выдали. Раскричалась эта хозяйка, ну хозяйка, она снимала, в домике жила. «Вот, юда пришел, юда пришел!»* И его полиция забрала, и здесь же у нас гетто было на территории сельхозтехники, и Абрашу этого забрали, и так его и расстреляли. Я до сих пор помню этого вот, кучерявый такой парнишечка, лет пятнадцать, шестнадцать.

I.D-1. Немцы используют предлог для сбора на казнь

Мотив о том, что немцы собирают евреев на казнь под ложным предлогом, исторически достоверен: действительно, сбор на казнь зачастую проводился под предлогом переселения в гетто, заключения в тюрьму или перевозки в Германию. В тексте № 4 информантка из Новозыбкова рассказывает о том, как евреев конвоировали на расстрел в Карховском лесу:

4. Инф. 24, I.D-1: А как этих вели, евреев, вот так. С клуба, в клуб же их поместили. И вот так же их поставили и вели, а мы сзади бежим. Сказали, что, мол, вас расстреливать не будем, в вагон посадим и повезем в Германию, будете работать, вот так им сказали.

I.D-2. Немец оказывает услугу

Среди записанного нами материала встречались истории, в которых фашисты оказывали небольшие одолжения жителям оккупированных территорий. В речи этот мотив чаще всего реализуется отдельно от всех остальных – в виде короткой законченной истории – и ни с чем не соединяется. Как я покажу далее, это связано с тем, что истории о войне рассказываются преимущественно ради моральной оценки действий членов локального сообщества – советских граждан, а поступки и мотивация оккупантов рассказчиков интересуют куда меньше.

5. Инф. 19, 1D-2: Мама говорила, что немцы разные. Немцы были разные, немцы были и добрые. Потому что детский дом был, его потом разбомбило, а там была казарма, так они <мать и дядя информантки> маленькими детьми ходили туда, нюхать, что там немцы едят. И немец жарил оладушки, а они стояли под окнами и нюхали вот этот запах. И он выскочил и угостил и ее, и ее брата, дядю Мишу.

6. Инф. 14, 1D-2: Мама была, в общем, во время войны ее здесь не было, а ее семья была здесь, под немцами. Во время войны наш же город был оккупирован немцами. Вот, оккупирован немцами. Но немцы тоже были разные, разные были немцы. Бабушка рассказывала, это, что у нее, она говорила, на постое были немцы, она говорила. На постое, вот <...> И поесть давали <...> Ну они же квартировались у нее на квартире, и видели, что баба голодует, еды ж было мало, так они давали поесть.

И.Е. «Полицай» тайно спасает человека

На оккупированных территориях немцы прибегали к помощи местных жителей. Коллаборационисты следили за соблюдением нового порядка (например, комендантского часа), охраняли гетто и концентрационные лагеря, конвоировали военнопленных или евреев к месту казни, выдавали расположение партизан. Существовал также административный коллаборационизм – выполнение функций старост или бургомистров¹³.

Сюжет, формально похожий на сюжет о «добрых» немцах, отличается большим масштабом помощи: в историях о «полицаях» речь обычно идет не о мелких одолжениях, а о спасении человека. Несмотря на то, что приведенные ниже тексты, казалось бы, рисуют коллаборационистов в положительном свете, косвенно они могут быть признаком той ценностной установки, которую не раз отмечали исследователи устной истории: «полицаяв» жители оккупированных территории осуждают гораздо сильнее, чем собственно немцев. Сюжеты о «добрых немцах» посвящены мелким одолжениям, а сюжеты о «добрых полицах» – спасению человеческой жизни, т.е. критерии хорошего поступка для этих двух категорий населения явно разные, к коллаборационистам отношение строже. Представление о том, что коллаборационисты были «хуже, чем немцы», кажется сомнительным с точки зрения его исторической достоверности, но объяснимо с позиций социальной антропологии. Крестьяне, как и любые члены замкнутых сообществ, склонны воспринимать войну и оккупантов как внешнее явление, тогда как моральный облик представителей сообщества беспокоит их куда сильнее [Панченко 2013].

¹³ Махалова И.А. Предательский удар: Как судили коллаборационистов в Советском Союзе // Научно-популярный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/227829586.html> (дата обращения 23 сент. 2022).

7. Инф. 18, I.E: ...у нас в центре тоже расстреляли 500 человек <...> Там евреи, все. *Всех сгребли. Там одна девочка была, полицейский подошел и говорит – иди отсюда. И он ее в туалет, и опустил прямо туда.* Вот, говорит, тут и держись. Где-то вскорости стали расстреливать. И когда утихло, он ее и... Она пошла, она жила в Людкове <нрзб.>. Она говорит, я всю жизнь моюсь, и мне кажется, что я, запах на мне остался. Потом она работала в больнице, потом на большой фабрике, давно ее нет в живых.

Среди тех, кого должны были расстрелять в Карховском лесу, была Анна Исакович (в девичестве Лифшиц) – еврейская девочка, которую, по разным сведениям, вытащили из строя, идущего на расстрел, или достали из расстрельной ямы, после чего русская семья скрывала ее до окончания оккупации. История ее спасения широко известна в Новозыбкове: она опубликована на сайте города, экспонируется (в виде писем Анны и семейных фото) в музее школы № 9.

В этой истории о спасении Анны Исакович подчеркивается роль «полицая» (I.E), который помог бездетной женщине, спасшей ее (I.A); отмечается, что евреи до последнего момента не знали, что их ведут на расстрел (I.D-1).

8. Инф. 5, I.D-2 + I.E + I.A: Описывала, как они шли... <...> Нас, говорит, гнали... Она говорит, ее, маму, дедушку, младшую сестричку гонят, и у нас там есть мост, она говорит, что-то запомнилось, ее мама пыталась под мост запихнуть, не получилось. И она говорит, мы идем, и рядом идет полицей. Мама что-то все ему говорила, я не знаю, что она ему говорила. А я так понимаю, он маму знал. Может быть, она ему обещала какие-то деньги, может, она ему сказала, что где-то что-то <...> все время она о чем-то просила. Местный полицей, может, ее знакомый, может, одноклассник <...> Она, эта Аня, говорит, я не знаю, но факт тот, что когда нас сюда пригнали, но *мы думали, что нас куда-то повезут, а потом поняли, что это...* И вот они уже говорят – раздевайтесь, и я, раздевайтесь, все, и я уже раздеваюсь, готовлюсь, *и этот полицей меня вытаскивает оттуда, и говорит – куда ты лезешь, ты же православная, крещенная?* А она не была крещенная. А немцы, ну я не знаю... Может она красивая была девочка, может пожалели, может, не обратили внимания <...> *И он ее отвел вот к этой женщине, Татьяне, забыла фамилию, но там есть, которая вырастила* <...> Но факт тот, что отвел к этой женщине, у нее муж был железнодорожником, они жили неплохо, *и этот полицей, она говорила, что этот полицей периодически приходил и предупреждал, что готовится облава.* И тогда, говорит, меня прятали, или в деревню отводили. То есть он как бы над ней какое-то... [Шефство взял?] Да.

То есть я не знаю, почему, может она заплатила, но в любом случае он же мог взять, и ничего не сделать, а он считал своим долгом... А женщина эта, Татьяна, она вырастила, она говорит, фамилию эту дала, и она говорит, она по документам была русская, Исакович. Она была дочь этой женщины <...> *короче говоря, она у нее росла, своих детей у них не было, она на свою фамилию записала.*

I.F. Местные жители занимаются мародерством

Мотив мародерства почти не встречается отдельно: такие тексты будут приведены ниже, в сочетании с другими мотивами.

II. Отложенные итоги деятельности во время войны

Регион был освобожден в сентябре 1943 г., однако жизнь жителей Брянщины вернулась в нормальное русло далеко не сразу. Важным вопросом для жителей бывших оккупированных территорий были отношения с коллаборационистами. «Полицаев» судили по статье 58-3 УК РСФСР (измена Родине) или по указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. (пособничество немецко-фашистским захватчикам). При этом законодательно преследовались в основном участие в насильственных преступлениях или деятельность, направленная против партизанских отрядов: совершившим более мелкие проступки (например, мародерство), случалось, удавалось избегать наказания [Махалова 2020; Bourtman 2008].

Расследованием «имущественных» преступлений занималась Чрезвычайная Государственная Комиссия¹⁴, учрежденная в 1942 г. В задачи комиссии входил централизованный учет человеческих потерь и материального ущерба на оккупированных территориях [Алферова, Блохин 2020, с. 16–17]. Однако существование ЧГК не гарантировало привлечения мародеров к ответственности: зачастую жертвы были деморализованы произошедшим и не обращались в правоохранительные органы. Кроме того, так как под подозрением находились все жители оккупированных территорий, любое обращение в суд могло обернуться против заявителя

¹⁴ Полное название комиссии таково: Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

[Exeler 2016, pp. 830–831]. В таких условиях часто случалось, что граждане брали восстановление справедливости в свои руки: бойкоты или избиения бывших «полицаяв» в послевоенные годы происходили регулярно [Exeler 2016, pp. 819–822].

Устные рассказы о послевоенной «нормализации» и возвращении к мирной жизни часто предполагают «подведение итогов» деятельности человека во время войны. Это раскрытие преступлений военного времени и возмездие за них (узнавание украденной вещи или мести коллаборационистам) или, наоборот, благодарность за спасение и помощь в трудной ситуации. Мотивы этой группы часто бытуют в составе длинных нарративов, играя роль финала истории.

Нарративы о послевоенном узнавании преступника и возмездии – одни из самых частотных среди записанных нами, но, кроме этого, встречаются и истории о благодарных спасенных евреях. Популярность рассказов, выстроенных таким образом, может быть связана с их удобной, логически завершенной структурой. Человек совершает неправильный и явно недопустимый проступок – и, как правило, после каких-либо вставных сюжетных ходов за ним следует наказание (или, как уже было отмечено, в редких случаях это правильный поступок и награда за него). Здесь можно провести параллель с работами Брониславы Кербелите, которая предложила разделять устные тексты на повествующие о правильном, неправильном и нейтральном поведении [Кербелите 2001].

II.A. Человек узнает украденную у него вещь

Сюжет об узнавании украденной вещи часто идет в паре с сюжетом о мародерстве: в этой истории женщина обличает человека, обокравшего дом ее мужа (I.F), узнав его пальто (II.A).

10. Инф. 23, I.F + II.A: И вот его семью тоже, как семью прокурора, коммуниста тоже задирали вместе с нами... Туда же на мясокомбинат <отправили в концлагерь>... *И она после войны – мама рассказывала – увидела, шел человек, и пальто ее мужика...* Она его думала, что разорвет его... Значит он... Их... *Нас забрали когда туда, шарил же в доме, и забрал это пальто, понятно?* И вот он шел в этом пальто. Ой, как она уцепилась за него, думали бабы, что она его разорвет... Вот так это было, рассказывали такое.

В тексте № 11 информантка рассказала об аресте оккупационными властями ее матери и бабушки. Важно отметить особую

роль партизан, которые дважды волшебным образом появляются и спасают ее мать (I.C). Помогают создать их «сверхъестественный» образ и стилистические приемы – партизан всегда трое, и, кроме того, они ездят на белых конях. После войны она возвращается домой и не обнаруживает своих вещей, оставленных соседке на хранение. Спустя некоторое время она узнает их в хозяйстве соседки (II.A) и понимает, что они были украдены (I.F).

11. Инф. 22, I.C + I.F + II.A: ...говорит [мать информантки] – пришли, постучали в окно, мать [отца информантки] вышла, и сказали – иди, уходи, завтра вас придут забирать. Потому что батька связан с партизанами, а его не было. Так это соседка, не соседка она, а чуть дальше жила, ее мужик был тоже связан с партизанами <...> Она осталась, на утро пришли и забрали, и бабу забрали, и мать забрали. Бабу поместили в Новозыбковскую тюрьму, а у ней была сорок третьего года <рождения> Таня <...> Сидела в тюрьме в Гомеле <мать информантки>. И вот, говорит, сидим, ну, выпускают нас за колючую проволоку на прогулку, женщины эти гомельские приходят, приносят кто картошину, кто кусок хлеба <...>

И вот вызывают меня на допрос. Открыли двери, Федорцова, говорит, я за ребенка, ребенка, говорит, оставила в этой камере, сколько там, женщин много сидело. «– За что ты сидишь? – Сама не знаю. Мужик, говорит, куда-то пропал, – Ну вот на допрос вызовут, там скажешь, – бабы, знаете, как злорадствуют – признаешься, где мужик. Ребенка оставь в камере». Она говорит, прихожу, один немец сидит, и переводчик этот, спрашивает <...> И хоть бы, говорит, они меня пальцем тронули. Приносили женщин <в камеру после допроса> прямо на руках, не в состоянии были идти, избитые, истерзанные вообще. И вот так эти женщины уж, «там скажешь». Хоть, говорит, пальцем тронули, говорит, прихожу... Эти бабы: а что ж такое, что ты?.. Я им сказала, что так и так. Эти: – Соколовский, ушел, – говорит, – наверное, в отпуск. Наш предатель был, и немцам этим служил, он и делал все это на допросе.

– То есть он хуже немцев был?

– Хуже немцев, выходит, предатели. И вот, говорит, сидим дальше за этой колючей проволокой, *на белом коне, в немецкой форме, подъезжают трое*. Один говорит, главный, на русском: – Бабы, за что вы тут сидите? – Да так, сидим и все <...> – Не волнуйтесь, мы вас выручим. *И все, и поскакали, говорят, на белых на лошадях, в немецкой форме, а это, оказывается, русские были*. Я, говорит, сколько там времени точно, шум прошел, говорят, и гонят нас на еврейское кладбище какое-то там. А людей, говорит, вообще не видно, и охрана кругом с собаками, всех ведут. И как повернули к этому кладбищу, все давай кричать, вопить, что их на расстрел

ведут. На этом кладбище в шеренгу выставили этих, с автоматами эти немцы, говорят, мы стоим, *и вот на белых конях подъезжают трое*. <нрзб.> там что-то с начальством, и говорят, бабы, разойдись. Все, говорит, кто куда, побежали кто куда. А мы, говорит, втроем остались <...>. Через <нрзб.> добираться. *Вот, говорит, они подъезжают к нам и говорят, все разбежались, а вас опять заберут. Мы вам говорили – не волнуйтесь, мы вас освободим, вот мы вас освободили. Туда не идите, там немцы на переправе, переправа была взорвана. А идите туда, там наши партизаны под видом этих самых, немцев, но это наши. Так они вас привезут.* Пошли точно, они говорят, нас без всякого перевези на лодках на следующую сторону, говорит, идем дальше. Две <женщины>, говорит, остались в Речице, а я говорит, я с ребенком иду. А уже осень, уже холодина, босая, обуви никакой, ребенок этот на руках. Говорит, зашла в лес, вот тебе немцы отступали, гонят людей, и видно люди, которые в лесу были, попрятались, их немцы захватили, отступали и захватили <...> люди и со скарбом, и на лошадях, поубегали в лес от немцев, а тут они отступают и гонят [нрзб.]. Потом говорит, гонят назад в Гомель, назад в Гомель гонят. Их, наверное, расстреляли потом.

Сделали привал, я вижу, землянка. Я в землянку в эту спустилась, там баба, дед и молодая женщина. Я говорю, разрешите мне ребенка покормить – она еще ребенка грудью кормила. Она, говорит, села, начался шум, там поднимают людей наверху, поднимают людей. И говорит, эта молодая уперлась, из-за тебя и нас <обнаружат>. А дед уже, говорит, заступился, да не трогай, говорит, может пронесет <...>

Я, когда фронт этот прошел туда дальше, и все, отступили немцы <...> дед лапти сплел, и собралась уже домой. Маму <видимо, это оговорка и информантка имела в виду бабушку> уже отпустили с Новозыбковской тюрьмы, пришла, копает картошку, уже там росли хорошие. Ни одного окна нету <в доме>, все что было разграблено, ни тряпки нету, ничего. Детям не то, чтобы на голову, сундук соседке отдавала, говорит, сбережения. Сбереги, может приду живая. Пошла – нет, все забрали немцы <...> как, говорит, пошла, отдавай, соседка, мои вещи. Нету, Наталья, забрали. И уже говорит, после войны проходит сколько время, батянка пришел, с войны пришел, времена такие были. *Хоть пошла к ней однажды, после войны, сколько лет прошло, гляжу, у нее дочка в моих ботинках ходит, и просушивала она белье, и она видит, мое (нрзб.) висит, просушивает – не отдала.*

– Сказала, что немцы забрали, а сама?..

– Да, сказала, что немцы забрали. Немцы забрали, приходили и все забрали. Вот такие люди.

II. В. Человек узнает «полицая»

В текстах такого типа описываются ситуации, когда после войны бывшего коллаборациониста опознают и обличают другие люди. Как правило, после этого следует наказание – поэтому этот мотив приводится вместе со следующим.

II. С-1. Социальное наказание за неправильное поведение во время войны

Под «неправильным поведением» в этом пункте чаще всего понимается коллаборационизм, но есть и исключения – небольшое количество текстов про месть мародерам или доносчикам. Как правило, речь идет о судебном преследовании или социальном ostracismе. Как мне кажется, появление таких нарративов может быть связано с последствиями разрыва социальных связей и всплеска насилия на оккупированных территориях. Здесь я опираюсь на концепцию Статиса Каливаса, который исследовал гражданские войны – ситуацию, сложившуюся на оккупированных советских территориях, он предложил классифицировать как квазигражданскую войну [Каливас 2019]. Столкновения партизан и коллаборационистов продолжились и после 1945 г., а рядовые граждане бойкотировали мародеров и доносчиков (см. пример в [Exeler 2016]).

В тексте № 12 рассказывается о том, как дети во время игры нечаянно обнаружили скрывающегося «полицая» (II.В), после чего он был предан суду (II.С-1), а его семья – подвергнута бойкоту (II.С-1). Важно отметить, что, по словам рассказчицы, девочка, которая увидела его первой, после этого перестала говорить – таким способом описывается испытанный ею стресс.

12. Инф. 4, II.В + II.С-1 + II.С-1: Короче, они жили в этой деревне, и ее отец был полицаем. И все село знало <...> Но он не успел бежать, и он прятался в доме, ну как там дом, а там же огороды огромные, там по двадцать пять, по тридцать соток за домом, и не было заборов огораживать <...> Они жили на этой же улице. И играли в мяч. Какой мяч – это тряпки свернутые, вот это. И вот этот мяч, как они играли, полетел... А вот этот дом, бывшего полицая, никто не знал, куда он делся, никто его не видел. И он покатился, так получилось, бузина, то ли что, какие-то кустарники высокие. И этот мяч залетел туда. И одна девочка полезла за этим мячом, потому что сделать такой же было трудно.

– И увидела полицая?

– *И она полезла в этот кустарник, и видит, сидит дед, бледный-бледный, заросший бородой. Сидит возле бани, нет, это, как он называются... Погреб <...> Да, и он там сидит. И она его увидела, и как закричит, и выбежала. И после этого эта девочка перестала говорить от страха. Пока там что, и так он был раскрыт. И узнали, что он прячется в этом погребе. И жена, и дочка его, они, значит это самое <прятали его> ...И он ночью выходил. А тут, может солнца захотелось, или что, и он вышел. Никто ж не знал, что этот мяч залетит <...> Его посадили, отца, и он, просидев там десять, пятнадцать, или сколько там лет, он возвращается в это село. И понятно, ему уже не надо прятаться, раз он отсидел, но отношение к этой семье было понятно какое.*

В тексте № 13 наказание коллаборационистов (II.C-1) осуществляют партизаны (I.C). Этот рассказ может быть исторически достоверным – известно, что послевоенная месть коллаборационистам в некоторых случаях действительно оборачивалась их смертью [Exeler 2016, pp. 819–822].

13. Инф. 15, инф. 16, I.C + II.C-1: До того, как пришла Красная Армия сюда, дело в том, что вся... Семнадцатого сентября прорвали рубеж обороны под Брянском, и немецкие войска просто бежали отсюда. А день освобождения Почеп – это двадцать первое сентября, но сюда вошли саперные части уже девятнадцатого, тут ни одного немца не было, то есть они просто сбежали. До этого сюда, не сюда, а по окрестным деревням, вошли партизаны. И всех, кто сотрудничал с немцами, а особенно кто был запятнан с этим... Увозили на реку и топили просто. Причем особо не разбираясь, почти суд Линча.

В тексте № 14 информантка рассказывает о том, что ее мать, узнав, что соседка занимается мародерством (I.F), приняла решение ее бойкотировать (III.C-1).

14. Инф. 13, I.F + II.C-1: Находились такие подонки, которые ходили грабить эти дома, от которых людей уводили на смерть... Были и такие... Очень тяжкие случаи. Моя мать была в ужасе.... *Она даже с одной женщиной до самой смерти не разговаривала из-за того, что она знала, что она ходила в дома еврейские и таскала там эти... Что там можно было еще взять...* Это было для нее настолько тяжело, что она даже и не разговаривала никогда...

II. С-2. Сверхъестественное наказание за неправильное поведение во время войны

В этом разделе собраны нарративы, в которых персонажи, работавшие на немцев, выдавали евреев, грабили или совершали другие морально неприемлемые поступки, получили наказание «свыше».

В рассказе № 15 уголовное преследование (II.C-1) является не единственной формой наказания «полиция»: кроме этого, информантка отмечает, что члены его семьи ощущали «осадох», поступок отца наложил отпечаток на детей (II.C-2). Присутствует также и мотив обнаружения коллаборациониста (II.B):

15. Инф. 14, II.B + II.C-1 + II.C-2: Я еще помню случай из своей жизни, на нашем краю случай такой был. Раньше ходили, послевоенные же годы тяжелые были, и переписывали скотину. Чтоб это... Налоги брали <...> Их тогда и называли словом агент, помнишь? <к другой информантке> Ходил, переписывал скотину. Сколько ты поросят держишь, корова есть там, лошадь, куры, все такое. *И он зашел в один дом, зашел в один дом и узнал полиция.* Да. Ну и, конечно, заявил в органы. Он ничего не сказал, он его узнал, и в органы. *И тогда приехал черный воронок, и его забрали.* Семья была такая. А он уже подженился, и жил в семье, полицай этот. И жил в семье – теща была, жена и двое детей. Забыла фамилию. Витя старше меня был на год, а девчонка – молоде, наверное, лет на пять. Так вот эта округа наша, она же вся знала. И Витя, забыла, как девочку звали, мама – тетя Маруся, *так вот все-таки осадок этот пожизненно за плечами был. Они такие тихенькие были, понимаешь? Все детки – я, и все такое. А они вот такие были вот, такие, как пришибленные. Все-таки чувствовали, понимаешь, что осадок такой...*

В тексте № 16 сюжеты о соседе-помощнике (I.B-2) и соседе-доносчике (I.B-1), которого рассказчица маркирует как «полиция», сочетается с сюжетом о «добром» «полицае» (II.A), который помог спасавшим еврейских детей девушкам избежать наказания и уйти к партизанам (I.C); родители детей были расстреляны немцами под обманном предлогом (I.D-1). Смерть соседа-коллаборациониста прямо обозначается как наказание свыше (II.C-2); кроме того, речь идет о позорной и «некрасивой» смерти.

16. Инф. 5, I.D-1 + I.B-2 + I.B-1 + I.E + I.C + II.C-2: В этом доме жила большая-большая еврейская семья. Он Соломон, вы знаете, я не знаю, как звали первую жену, вторую звали Сара <...> его забрали в армию, а жена осталась. Насколько я помню, то ли четверо, то ли пятеро детей

у них было, самый маленький был грудничок <...> а через дом – вот в том доме жили две сестры. Я не знаю, у них, наверное, родители уже умерли, а они были такие, лет девятнадцать, двадцать. *И когда в январе, значит, сорок второго года, восемнадцатого января, сказали, что всем евреям нужно прийти к синагоге – я вам покажу – взять с собой ценные вещи, что с вами там ничего не будут, вас перевезут куда-то.* Вот эта женщина со своими детками, вот с детками этого Соломона <пришла к месту сбора и была расстреляна> ...А этих детей женщины, эти сестры, они взяли к себе <...> Соседи, совсем близко <жили> ...А они, вот эти две сестрички, пожалели этих деток. Наверное, слышали, предчувствовали, я не знаю, но факт тот, что взяли их себе. Они там сколько-то дней жили, была зима, холодно. И один из мальчишек говорит – схожу домой, взять там вещи какие-то, может еду, я не знаю. И он пошел по огороду, то есть не по улице, чтобы не увидели, то есть ночью по огороду. *К сожалению, жил, соседом был с другой стороны, полицай.* Полицай тоже были разные, вы знаете, были всякие. Этот был полицай. *И, короче, он утром встал, увидел следы и привел немцев.* И они забрали, то есть их забрали всех. Причем она в начале грудничка оставила на печке, а он говорит – у них еще один был. Вернулись и забрали грудничка, и их всех расстреляли <...>

– И тех, кто укрывал, тоже?

– Вот я вам про них хочу сказать <...> Значит, две эти сестры, им дали бумажки явиться в комендатуру, вы придете... Они законопослушные, пошли. И вот она мне рассказывала, что они пришли, а у комендатуры, ну я покажу вам, где это находилось... *А у комендатуры стоит полицай, один, молодой.* И он говорит, девочки, вы чего? Они стали рассказывать. Он, говорит, на них стал ругаться матом, и всякое. Идите отсюда, убирайтесь. *Это, говорит, я сейчас понимаю, что он их просто спас <...>. И они ушли в партизаны, то есть кто-то им сказал, и они выжили, и в этом доме одна из них жила.*

Но я вам хочу сказать про того человека, который был полицаем <тем, который донес>. Городок маленький, все всё знают, и мне бабушка... <...> К бабушке приходит соседка, и говорит – Матвеев сдох. Вы понимаете отношение людей? Причем соседка эта, она не еврейка, она старая женщина, она из села, но отношение понимаете. А бабушка говорит – что случилось? А он, говорит, понес корм свиньям, упал в навозную жижу и захлебнулся. И люди сказали – наказание ему.

В приведенном ниже тексте информантка рассказывает о том, как во время сожжения ее родной деревни коллаборационисты предусмотрительно забрали все ценности (I.F), и отмечает, что после войны они все умерли в достаточно быстрые сроки (II.C-2):

17. Инф. 17, I.F + II.C-2: *Этот полицей, нас когда палили, они перед этим вот, они перед этим из своего дома все повытянули, даже рамы повытянули, на подводы подогнали, все свое побрали. И когда мы пришли с концлагеря, он уже <нрзб.> лес, собрал сруб на дом. Потом он ушел конечно, не знаю, чи в армию зашел, не знаю... <нрзб.> А женщина эта, с сыном, вроде они где-то построились, но он не вернулся, и она вскорости умерла, и этот вскорости умер.*

II.D. Человек, спасший еврея, получает вознаграждение

Истории о вознаграждении человека, спасшего еврейского ребенка, встречаются в корпусе записанных нами текстов достаточно часто. В тексте № 18 информантка отмечает, что когда спасшая Анну Исакович¹⁵ женщина постарела, Анна уделяла ей внимание и ухаживала за ней как за родной матерью:

Инф. 2, I.A: Ну евреев да, здесь в нашей местности много уничтожали. Там в лесу даже есть памятник, их сгоняли, и это... Мне как-то подробно так <не рассказывали>... Но было, конечно, страшное... Как их выгоняли и расстреливали, и детей... Знаю, что только одна женщина у нас работала маникюршей в доме быта, она рассказывала, что ее женщина спасла. Они вели колонну, и она ее как-то выхватила из этой колонны и спрятала у себя дома. На Горке женщина та жила. И сохранила ей жизнь. И прятала ее под полом, чтобы никто не видел и не слышал, что она была у нее, и так ей жизнь сохранила. Она ей потом благодарна была всю жизнь, жила, она к ней ходила, считала ее второй матерью своей, женщину. Вот это я знаю.

Текст № 19 повествует о спасении Соломона Бажалки-на – одного из трех человек, которым удалось спастись из гетто в Унече. Помимо спрятавшей его женщины, в истории фигурируют двое других односельчан: один из них не выдал мальчика и разрешил ему спрятаться в своем курятнике (I.B-2), в то время как другие неназванные персонажи пытались уличить свою соседку в сокрытии евреев (I.B-1). В итоге все закончилось благополучно: мальчик смог уйти к партизанам (I.C). Кроме того, в этом тексте прослеживается мотив II.D – рассказчица отмечает, что у спасенного мальчика на всю последующую жизнь установились теплые отношения о спасшей его женщиной, которой он привозил подарки

¹⁵ В тексте ниже ее не называют по имени, но биографические подробности позволяют предполагать, что речь идет именно об Исакович – она действительно работала маникюрщицей в доме быта.

из Ленинграда. В этом тексте структурный элемент спасения «утраивается»: три разных персонажа (сосед, мать информантки и партизаны) трижды спасают еврейского мальчика.

Согласно воспоминаниям Соломона Бажалкина¹⁶, в то время, когда происходила эта история, ему было тринадцать или четырнадцать лет. Рассказы о спасении еврейских детей вытесняют из традиции не только истории спасения взрослых евреев (причины этого явления были описаны в пункте I.A), но и истории спасения подростков: в приведенном ниже тексте рассказчица отмечает, что Бажалкину было девять лет.

26. Инф. 23, IB-1 + IB-2 + IA + IC: Правда, один еврейский мальчик, Бажалкин такой... Когда по улице вели на расстрел их туда, евреев на сенобазу. И он заметил крыльцо, забор, и в заборе щелочка такая вот, и он как-то юркнул туда прямо... И курятник у человека был, и он туда в курятник, куры закричали, закудахтали, *вышел хозяин, он: «Дядечка, не выдавай меня, пожалуйста» Он говорит: «Сиди».* Ему было девять лет. И вот он сидел, пока стихло, вот это вся стрельба, хождение по улицам, и он тогда вылез с этого... Вышел со двора и пошел куда глаза глядели, и пришел он в деревню тут близко. Пришел, и его приютила бабка одна. *Боялась, потому что там очень много людей предавали, что это... Дак, приходили со... соседи, и говоре: «А чего это твои дети летом на печке?»* Она говорит: «Позалезли, да и пускай сидят». А там еврейский мальчик. И вот она его выводила вечерами, показывала: «Вон лес, видишь? А в лесу ты хозяин...» *И вот он вышел и пошел, и пришел к партизанам. Партизаны его приютили там, потом уже его куда-то они его отправили, он учился...* В Ленинграде закончил военное училище, стал военным человеком, *приезжал сюда в деревню к этой бабке, привозил ей подарки, и мы бегали детворой.*

Сценарии нарративизации: обличительный и примирительный

Как показывает указатель, мотивы могут как существовать в виде коротких высказываний, так и объединяться в цепочки. Как и другие устные тексты, истории о войне монтируются рас-

¹⁶ Фрагментарно воспоминания Соломона Бажалкина опубликованы на сайте краеведческого музея Унечи. См.: *Голик Н.А.* Соломон Бажалкин: «Уцелел я один...»: История спасенного узника унечского гетто // Сайт Унечского краеведческого музея. URL: https://museum-unecha.ucoz.net/publ/issledovanija/issledovanija/solomon_bazhalkin_ucelel_ja_odin_istorija_spasennogo_uznika_unechskogo_getto/2-1-0-17 (дата обращения 23 сент. 2022).

сказчиком из знакомых ему нарративных блоков в момент говорения. При этом в том, как мотивы комбинируются, прослеживаются некоторые закономерности: так, именно за счет сюжетной комбинации мотивов (эксплицитное высказывание своей позиции происходит реже) в историях наших информантов выделяются две ценностные установки.

«Обличительная» ценностная установка заключается в том, что *существуют объективно неправильные формы поведения, которые неприемлемы и должны быть наказаны*.

Часто встречающиеся в моей выборке¹⁷ сочетания II.B + II.C – это история о том, как после войны обнаружили и наказали коллаборациониста (2 текста во всей выборке), I.F + II.A – о том, как обнаружили случай мародерства (4 текста), I.F + II.C-1 – о бойкоте мародера (3 текста), I.B-1 + I.C – о наказании доносчика (1 текст). Более редкий пример – история о награде за правильное поведение (I.D-1 + II.D); таких историй в выборке три.

Эту ценностную установку могут выражать и «одинарные» мотивы. Мотив II.C, не соединенный с другими мотивами, – это короткая история о наказании коллаборациониста (2 текста); мотив II.D – описание благодарности за спасение (1 текст). Историй с такой ценностной ориентацией много: в имеющемся в моем распоряжении корпусе текстов их насчитывается 14.

«Примирительная» ценностная установка предполагает *отказ от ярко выраженного осуждения*. Она выражается эксплицитно чаще первой, к примеру, так: Инф. 6: «Разные были люди, я к тому говорю, что мать, допустим, прятала этого парнишечку, а когда он пришел за чемоданом <...> его выдали».

Эксплицитно эта установка выражена в четырех текстах. Отказ от вынесения этического суждения происходит через апелляцию к уникальности каждого конкретного случая: рассказчики подчеркивают, что каждого человека нужно судить отдельно, доподлинно неизвестны мотивы его поступков и т. д.

Кроме того, эта ценностная установка может реализоваться и сюжетно: так, мотив I.B (соседи-доносчики и соседи-помощники) часто повторяется в одном тексте дважды (см. текст № 3, где одни соседи помогают укрывать еврейского мальчика, а другие его выдают). Таких текстов во всей выборке два. Также он может сочетаться с мотивом I.A (спасение еврейского ребенка) – в таком случае соседи-доносчики противопоставляются спасшему ребенка протагонисту (1 текст). Такое сочетание примеров правильного и неправильного поведения (один персонаж истории хочет спасти

¹⁷ Речь идет обо всей выборке, а не о сокращенном для публикации наборе текстов.

еврея, а другой – причинить ему зло) в одном нарративе показывает позицию рассказчика, которая заключается в том, что судить можно только о конкретном случае. Кроме того, эту ценностную установку передают истории, которые повествуют о неожиданном хорошем поведении в целом отрицательного персонажа – немца или «полицая» (8 текстов). Всего текстов с такой ценностной установкой в полной выборке 13¹⁸.

Иногда оба сценария могут присутствовать в одном тексте – в многоходовой истории может присутствовать несколько таких «цепочек». Так, в истории № 16 противопоставлены два типа соседей – соседи-помощники и соседи-доносчики. Кроме того, противопоставляются два коллаборациониста. Первый раскрывает оккупационным властям место, где прячутся еврейские дети, и таким образом фактически убивает их, а второй помогает укрывавшим их девушкам спастись. Примирительная ценностная установка здесь также выражается эксплицитно: «У людей были разные причины. Кого-то заставляли, а кто-то от этого <от коллаборационизма> получал удовольствие».

Однако затем история делает еще один ход: «полицай», ставший причиной смерти еврейской семьи, получает наказание свыше и умирает позорной некрасивой смертью. Информантка, таким образом, с осторожностью судит об административном коллаборационизме и не высказывает резкого осуждения в адрес вовлеченных в него людей, однако резко осуждает доноительство и насильственные преступления.

Заметим, что эти два типа нарративов являются двумя разными вариантами ответа на одни и те же вопросы: *Возможен ли моральный выбор в условиях войны? Допустимо ли этическое суждение об этом сейчас?* Главными темами, при обсуждении которых тем или иным образом решается этот вопрос, становятся коллаборационизм, мародерство и доноительство. Никакие другие темы не порождают таких устойчивых «цепочек»: остальные развернутые истории, записанные нами в экспедиции в Брянскую область, были, как правило, разовыми.

¹⁸ Число текстов меньше, чем сумма текстов, принадлежащих ко всем описанным выше подтипам, так как в некоторых текстах эта установка выражается и за счет комбинации мотивов, и эксплицитно, т. е. они были упомянуты дважды.

Заключение

Повседневная жизнь в оккупации для государственного мемориального канона во многом является теневой зоной. Эта ситуация сложилась еще в послевоенные годы, когда неэвакуировавшиеся жители попавших под оккупацию территорий, а также возвращающиеся домой пленные и оstarбайтеры оказывались под подозрением в коллаборационизме [Exeler 2016, pp. 830–831; Bernstein 2018, p. 10]. Медийный дискурс об оккупации всегда был сложным: сложившаяся на оккупированных территориях ситуация отсутствия власти порождает множество нелегальных и полулегальных практик. Современный мемориальный канон во многом наследует советскому. Его нарративы строятся вокруг более однозначных тем: с одной стороны, фронта и непосредственно боевых действий, с другой – труда в тылу [Копосов 2011].

Таким образом, получается, что, с одной стороны, война является важнейшей частью самоидентификации современных россиян, а с другой – широко коммеморируются только отдельные ее реалии. Многие этические дилеммы, с которыми сталкивались жители оккупированных территорий, до сих пор остались непроговоренными и даже табуированными. Как мне кажется, разрыв социальных связей и травма, связанная с происходившей на бывших оккупированных территориях квази-гражданской войной, до сих пор не преодолены. Это можно предположить, исходя из набора сюжетов, которые рассказываются в связи с оккупацией, а также устойчивые способы их комбинации позволяют предположить, что именно эти этические дилеммы для жителей бывших оккупированных территорий представляются наиболее важными, и основной коммуникативной целью рассказывания историй о войне является сообщение своей позиции на этот счет.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках программы «Карамзинские стипендии – 2022» при поддержке фонда Михаила Прохорова и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (г. Москва).

Acknowledgements

This article was prepared within the framework of the “Karamzin Scholarships – 2022” program with the support of the Mikhail Prokhorov Foundation and the School of Contemporary Humanitarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow).

Литература

- Абовян, Дзюбан 2019 – *Абовян Е.Н., Дзюбан В.В.* Новозыбков в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ. 2019. № 2. С. 49–54.
- Азбелев 1964 – *Азбелев С.Н.* Современные устные рассказы // Русский фольклор. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 9. С. 132–177.
- Алферова, Блохин 2020 – *Алферова И.В., Блохин В.Ф.* Основание и деятельность чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942–1945 гг.) // Вестник БГУ. 2020. № 4 (46). С. 9–19.
- Веселова 2000 – *Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/veselova6.html> (дата обращения 12 сент. 2022).
- Каливас 2019 – *Каливас С.* Логика насилия в гражданской войне. М.: Пятый Рим, 2019. 784 с.
- Кербелите 2001 – *Кербелите Б.* Типы народных сказаний: структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб.: Европейский дом, 2001. 605 с.
- Кирзюк 2018 – *Кирзюк А.А.* Сюжет – это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды // Фольклор и антропология города. 2018. № 1. С. 20–43.
- Копосов 2011 – *Копосов Н.Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2011. 315 с.
- Матлин 2017 – *Матлин М.Г.* Система мотивов в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья о голоде 1941–1945 гг. // Научный диалог. 2017. № 9. С. 42–54.
- Махалова 2020 – *Махалова И.А.* Коллаборационизм в Крыму в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 277 с.
- Панченко 2013 – *Панченко А.А.* Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое издательство. 2013. С. 52–60.
- Bell 2002 – *Bell C.* Emotional selection in memes. The case of urban legends // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 81. No. 6. P. 1028–1041.
- Bernstein 2018 – *Bernstein S.* Ambiguous homecoming. Retribution, exploitation and social tensions during repatriation to the USSR, 1944–1946 // Past & Present. 2019. Vol. 242. Iss. 1. P. 193–226.
- Bourtman 2008 – *Bourtman I.* Blood for blood, death for death. The Soviet military tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. Issue 2. P. 246–265.

Exeler 2016 – *Exeler F.* What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of nazi occupation // *Kritika*. 2016. Vol. 17. No. 4. P. 805–835.

References

- Abovyan, E.N. and Dzyuban, V.V. (2019), “Novozybkov during the Great Patriotic War”, *Vestnik KGU*, no. 2, pp. 49–54.
- Alferova, I.V. and Blokhin, V.F. (2020), *Osnovanie i deyatel'nost' chrezvychainoi komissii po ustanovleniyu i rassledovaniyu zlodeyanii nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov*, *Vestnik BGU*, vol. 4, no. 46, pp. 9–19.
- Azbelev, S.N. (1964), “Modern oral stores”, in *Russkii fol'klor: Problemy sovremennogo narodnogo tvorchestva* [Russian folklore. Problems of modern folk art], vol. 9, Nauka, Leningrad, Moscow, USSR.
- Bell, C. (2002), “Emotional selection in memes. The case of urban legends”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 81, no. 6, pp. 1028–1041.
- Bernstein, S. (2019), “Ambiguous homecoming. Retribution, exploitation and social tensions during repatriation to the USSR, 1944–1946”, *Past & Present*, vol. 242, iss. 1, pp. 193–226. ‘Blood for blood, death for death’. The Soviet military tribunal in Krasnodar, 1943”, *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 22, issue 2, pp. 246–265.
- Exeler, F. (2016), “What did you do during the war? Personal responses to the aftermath of nazi occupation”, *Kritika*, vol. 17, no. 4, pp. 805–835.
- Kalivas, S. (2019), *Logika nasiliya v grazhdanskoi voine* [The logic of violence in Civil War], Pyatii Rim, Moscow, Russia.
- Kerbelite, B. (2001), *Tipy narodnykh skazanii: strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya litovskikh etiologicheskikh, mifologicheskikh skazanii i predanii* [Types of folk legends. Structural and semantic classification of Lithuanian etiological, mythological legends and legends], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia.
- Kirzyuk, A. (2018), “Is plot a symptom? How folklorists study urban legends”, *Urban folklore and anthropology*, vol. 1, no. 1, pp. 20–43.
- Koposov, N. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime. History and politics in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia..
- Makhalova, I.A. (2020), *Kollaboratsionizm v Krymu v period natsistskoi okkupatsii (1941–1944 gg.)* [Collaboration in Crimea during the nazi occupation (1941–1944)], Ph.D. Thesis, HSE University, Moscow, Russia.
- Panchenko, A.A. (2013), Fugitives and informers: ‘military narratives’ in the modern Novgorod village”, in *Russkii politicheskii fol'klor. Issledovaniya*

i publikatsii [Russian political folklore. Studies and publications], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.

Veselova, I.S. (2000), *Zhanry sovremennogo gorodskogo fol'klora: povestvovatel'nye traditsii* [Genres of modern urban folklore: narrative traditions], Abstract of Ph.D. dissertation, available at: <https://ruthenia.ru/folklore/veselova6.html> (Accessed 12 Sept. 2022).

Информация об авторе

Екатерина А. Закревская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; eazakrevskaya@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Zakrevskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; eazakrevskaya@gmail.com